

12. Тело, язык

Множественность истоков сущностно рассеивает Исток мира. Мир возникает повсюду и в каждое мгновение, одновременно. Именно так он возникает из ничего, «сотворяется», если угодно выражаться таким слогом, но отныне это следует понимать следующим образом: мир - это не результат отдельного производящего акта, но, поскольку он есть, есть как созданный, то есть возникший, пришедший, приросший (*cresco, cgeo*), всегда-уже отовсюду возникший или, точнее, сам есть возникновение и приход некоего «всегда-уже» и «отовсюду». Всякое сущее тем самым является изначальным (аутентичным), каждый изначален (возникновение самого возникновения) и каждый оригинален (несравним, неповторим). Тем не менее все разделяют одну и ту же изначальность и одну и ту же оригинальность: само это разделение и есть исток.

То, что он разделяет, не имеет ничего общего с порядком некоторой единой субстанции, в которой принимало бы участие каждое сущее: разделяемое является также разделяющим, тем, что структурно конституировано разделением и что мы называем «материей». Онтология «со-бытия» может быть только материалистической в том смысле, что «материя» не означает ни субстанцию, ни субъекта, ни контр-субъекта, но просто означает то, что из себя разделено, то, что собственно является лишь отличным от себя, *partes extra partes*, изначально не поддающимся смешивающему и возвышающему проникновению, каковое было бы проникновением «духа», точкой, без измерения и без разделения, вне мира. Онтология со-бытия - это онтология тел, всех тел, живых, неживых, чувствующих, говорящих, мыслящих, имеющих вес. «Тело», прежде всего, означает: то, что находится вовне, как наружу, рядом, напротив, возле, с (другим) телом, тело к телу, в дис-позиции. Не только от некоторого «сам» к некоторому «другому», но прежде всего как сам, от себя к себе: из камня, из дерева, из пластика или из плоти, тело является разделением и отправной точкой от себя, к себе, рядом-с-собой, без которой «сам» не был бы даже «отдельно сам» [58].

Язык является нетелесным (как это утверждали стоики). Говорение телесно, оно выражается в звуках или видимых знаках, но то, что сказано, нетелесно, это нетелесное целое мира. Оно не существует для мира или внутри мира, подобно телу: оно является в мире наружей мира. Оно есть конкретно наружу мира: не вторжение Другого, который овладевает миром или возвышает его, переводит его в нечто иное, но выставление напоказ мира-тел как такового, то есть как единичного множественного некоторого истока. Нетелесное выставляет напоказ тела в соответствии с их бытием-друг-с-другом: не изолированными, не смешанными, но между собой как истоки. Отношение единичных истоков между собой - это отношение смысла. (Отношение некоего единого Истока к остальным как порожденным было бы насыщенным смысловым отношением: это было бы уже не отношение, но чистая плотность, не смысл, а заикливание, *аннулирование* смысла и конец истока).

Язык является тем, что выставляет напоказ множественную единичность. В нем сущее целиком выставляется как свой смысл, то есть как изначальное разделение, в соответствии с которым сущее связано с сущим, круговорот смысла мира, не имеющий ни начала, ни конца, который есть смысл мира как со-бытия, одновременности всех присутствий, которые существуют одни в виду других и из которых ни одно не существует к себе без того, чтобы не существовать к другим. Вот почему мы говорим друг с другом благодаря тому же самому сущностному диалогу, или полилогу, языка, благодаря которому я говорю также, обращаясь к «себе самому», будучи для одного себя целым «обществом», будучи, действительно, в языке и как язык Всегда одновременно «мы» и «я», «я» как «мы» и «мы» как «я». Поскольку я не сказал бы себе ничего, если бы не был с собой так, как с многочисленными другими, если бы это «с-» не было бы «во» мне, в том же самом я, одновременно со «мною», точнее, как в-одно-и-то-же-время, единственно в соответствии с чем я есть.

Именно в этой точке особенно заметна сущность единичности: она не является индивидуальностью, она есть всякий раз точечность некоторого «с-», которая завязывает определенный исток смысла и которая связывает его с бесконечностью других возможных истоков. Таким образом, она одновременно над/внутри и транс-индивидуальна. Индивид есть пересечение единичностей, дискретное выставление их прерывной и переходной одновременности.

Вот почему нет «языка», но есть языки и акты речи, и голоса, изначальное единичное разделение голосни, без которого вообще не было бы голоса. В нетелесной диспозиции языков сущее целиком проходит через человека [59]. Но эта экспозиция выставляет человека ему самому вне человеческого, смыслу мира, смыслу бытия как бытию-смыслу мира. В языке человек не является субъектом мира, он не репрезентирует его, он не является ни его истоком, ни его целью. Он также не является и его смыслом, а значит, и не придает миру смысл. Он в нем является выставляющим напоказ, но то, что он выставляет, это не он сам, человек, но мир и его собственное бытие-вместе-со-всем-сущим в мире как мир. Вот почему он также является выказанностью смысла: будучи «наделен» языком, человек прежде всего сущностно вы-казан в своем бытии. Он выставлен напоказ этому «нетелесному внешнему» мира и в качестве него в самом сердце мира, благодаря чему мир «удерживается» или «состоит» в своей собственной единичной множественности.

Недостаточно сказать, что «роза растет без причины». Поскольку если бы роза была одна, ее беспричинный рост замкнул бы в себе, на себе, любую причину мира. Но роза растет без причины, потому что она растет вместе с резедой, шиповником и чертополохом, и кристаллом, и морским коньком, и человеком, и его изобретениями. И целое сущего, природа история не составляют совокупности, целостность которой была бы или не была беспричинной. Целое сущего есть собственная причина, и нет у него никакой другой, что не означает, что оно является своим принципом и своей целью, поскольку не является «собой». Оно есть его собственная диспозиция и множественность единичностей. Это бытие вы-казывается как некоторое между и некоторое «с-» единичных. *Быть между* и «-с» говорят одно и то же: они говорят как *нечто, что только может быть сказано* (то, что иначе называют невыразимым (indicable)), то, что не может быть представлено как сущее среди прочих, поскольку это «среди» всех сущих (среди: внутри, в середине, «с-»), которые все и всякий раз существуют одни среди других. Быть не говорит ничего другого, и,

следовательно, если говорение всегда говорит бытие тем или иным способом, бытие выказывается только в нетелесности говорения.

Что не означает, что бытие - «это только слово», но означает, скорее, что бытие есть все то, что есть, и все то, что создает слово: а именно, со-бытие во всех отношениях. Поскольку отдельное слово есть то, что оно есть, только среди всех слов, и отдельная речь является тем, что она есть, только в этом «с-» других речей. Язык, по существу, есть именно в этом «с-». Любая речь есть одновременность как минимум двух речей: той, что произносится, и той, которая слушается - даже если все это осуществляется мною самим, то есть говорится и повторяется. Едва слово сказано, оно тут же повторяется, и смысл состоит не в передаче от источника к получателю, а в одновременности двух (как минимум) источников смысла: источника го воримого и источника того, что повторяется.

Смысл - это когда сказанное мною не является просто «сказанным», но, чтобы быть сказанным, вой стину, должно вернуться ко мне сказанным повторно. Но возвращаясь ко мне от другого, оно становится иным источником смысла. Смысл - это переход и разделение истока в истоке, единичное множественное. Смысл - это выставление основания без основания, что не является бездной, но просто неким «с-» вещем, которое суть постольку, поскольку они суть. Логос это диалог, но диалог не имеет своей целью прийти к «консенсусу», его задача в том, чтобы настраивать, просто настраивать, придавая тон и интенсивность, некоторое сит-, некоторое «с-» смысла, множественность его возникновения.

Таким образом, недостаточно противопоставлять пустую болтовню аутентичности речи, полной смысла. Необходимо, напротив, распознать в болтовне разговор со-бытия как такового: именно беседуя, обсуждая, со-бытие поддерживается, то есть упорствует в бытии. Говорить-с выставляет напоказ sonatus со-бытия, или оно выставляет со-бытие как sonatus, как усилие и желание удерживаться в качестве «с-» и, следовательно, поддерживать то, что само по себе является не стабильной и постоянной субстанцией, но разделением и переходом. И в этой беседе со-бытия следует распознать, каким образом язык всякий раз в каждой сигнификации, от самой возвышенной до самой неприметной, вплоть до «фатических» незначительных «алло», «привет», «ну», которые только поддерживают беседу, выставляет некоторое «с-» и сам выказывается как «с-», вписывается и выписывается в нем вплоть до иссякания, опустошения значения.

«Лишенное значения» - то есть запускающее в круговорот смысла, в передачу от одного к другому любое значение, что означает не «перевод» в смысле сохранения значения (даже видоизмененного), но «перевод» в смысле «транс-дукции» (преобразования), растяжения и натяжения от источника-смысла к источнику смысла. Вот почему это иссякание всегда угрожает сигнификации - оно всегда неотвратимо, оно всегда имманентно смыслу: его истина принимает два противоположных направления - направление общей болтовни и направление абсолютной поэтической дистинкции. Иссякание посредством «фатической» несущественности и неиссякаемой способности обмениваться или иссякание посредством чисто «апофатической» значимости, декларации или демонстрации («арофансис») самой вещи как необмениваемого слова, неизменного, как сама вещь, но как вещь как таковая. От одного к другому, это один и тот же sonatus: то "-с", в соответствии с которым мы себя

выставляем напоказ одни перед другими, в качестве «одних» и в качестве «других», выставляя мир в качестве мира.

Язык конституируется и артикулируется из «в качестве». Говорить, что бы то ни было, означает представлять некоторое «в качестве» чего бы то ни было. Сквозь призму сигнификации это означает представлять некоторую вещь в качестве другой (например, ее сущности, принципа, истока или цели, ценности, сигнификации), но сквозь призму смысла и истины это означает представлять некоторое «в качестве» как таковое, то есть внеположенность вещи, ее бытие-пред, бытие-со-всеми-вещами (а не бытие-в или бытие-вне).

Фраза Малларме «Я говорю “цветок”» выражает, что слово означает «цветок» как «цветок» и ничто другое, и это означает «отсутствие всякого букета» только потому, что его «в качестве» есть также присутствие как таковое любого цветка в любом букете. Агамбен пишет: «Мышление, которое схватывает бытие в качестве бытия, возвращающегося к сущему, не прибавляя к нему дополнительной детерминации; схватывая его в его бытии-таким, в чистой среде его в качестве (en tant que), схватывает его совершенную не-сокрытость, чистую внеположенность. Оно больше не говорит что-то как “что-то”, но вводит в речь само это “в качестве”» [60]. Любая речь вводит в речь это «в качестве самого себя», то есть взаимные экспозицию и диспозицию единичностей мира (мира единичностей, единичных миров, единичностей-миров). Язык является элементом этого «с-» как такового-, пространством его декларации, которая, в свою очередь, как таковая относится ко всем и ни к кому, к миру и к его со-существованию.

Как говорил Лабрюйер, хотя и не он первый: «Все сказано, и мы пришли слишком поздно». Конечно, все сказано, поскольку все уже давным-давно сказано, но все еще можно сказать, поскольку все как таковое должно быть всегда сказано заново. Смерть представляет собой прерывание некоторого говорения всего и некоторой целостности говоримого: она представляет, что сказать-все является всякий раз некоторым «все сказано», дискретной и переходной законченностью. Вот почему «для субъекта» имеет место не смерть, а только ее репрезентация. Но поэтому и «моя смерть» не устремляется вместе со «мной» в чистое небытие. Поскольку она является, как говорит Хайдеггер, высшей возможностью экзистенции, она выставляет напоказ экзистенцию как таковую. Тем самым смерть имеет место именно как язык, и, наоборот, язык всегда выражает смерть: он всегда выражает прерывание смысла как его истину. Смерть как таковая и рождение как таковое имеют место как язык: смерть имеет место в бытии-одних-с-другими и посредством него. Она является росчерком «с»: смерть - это то, что уже больше не «с-» и что, одновременно, занимает место в несоизмеримом «с-». Смерть - это «в качестве» без качества или дополнения: нетелесное как таковое - и, значит, выставление тела напоказ. Мы рождаемся, умираем не в качестве такого-то или такой-то, но в качестве некоторого «как такового», абсолютного, то есть в качестве источника-смысла, абсолютного и абсолютно усеченного, как ему и должно быть (и, следовательно, бессмертного).

Из этого следует, что никто никогда не рождается и не умирает в одиночестве, или, скорее, что одиночество рождения/смерти - то одиночество, которое уже даже не одно, - есть в точности обратная сторона своего разделения. Если верно, как это говорит Хайдеггер, что

я не могу умереть вместо другого, то не менее верно, что другой умирает, поскольку он существует «со-» мной, и что мы рождаемся и умираем друг с другом, выставляясь напоказ друг другу и всякий раз выставляя напоказ невыставляемую единичность истока. По-французски мы говорим «умереть к» (mourir a) - к миру, к жизни, так же как и «родиться к» (naître a). Смерть есть к жизни, и это есть нечто иное, нежели негативность, в которую переходит жизнь, чтобы воскреснуть. Совершенно точно: смерть как плодотворная негативность является смертью единого субъекта (индивидуального или коллективного). Смерть к жизни, экс-позиция как таковая (вы-ставленный как выставленный = тот, кто поворачивается к миру, в мир, само никто своего «творения»), может быть только «с-», единично множественной.

В этом смысле язык есть именно то, что Батай называет «практикой радости перед смертью». Никакого отклонения, никакой сделки с непереносимостью смерти. В некотором смысле, само трагическое. Но радость как лишение смысла, которое обнажает исток: единично множественное как таковое. Это «с-» как таковое, то есть бытие-таким как таковое: совершенно и просто - бессмертно - равное себе самому и всякому другому, равное самому себе, поскольку и так, как оно равно любому другому, то есть сущностно с любым другим в этом равенстве. Как говорят, «общая судьба»: все, что мы имеем общего, - это сказать себе об этой общности (у меня нет ничего общего с самим собой, кроме как сказать себе об этой общности), мы обмениваем и не обмениваем, мы не обмениваем эту крайность говорения в каждом слове, как само говорение. Язык выставляет смерть напоказ: он не отрицает и не утверждает ее, он носит ее в языке, и она есть именно это, то, что приносится в язык - и то, что содержится в языке.

«Смерть говорит во мне. Моя речь есть известие о том, что в этот самый момент смерть выпущена в мир, что между мною, говорящим, и бытием, к которому я обращаюсь, она внезапно возникла: она находится между нами как разделяющее нас расстояние, но это расстояние является также тем, что препятствует нам быть отделенными, поскольку оно есть условие всякого понимания» [61]. «Литература», таким образом, является языком в напряженности рождения и смерти, поскольку язык существует, как ему и положено быть, в напряженности обращения, согласия и разговора - в качестве повествования, дискурса, пения (которые образуют, в свою очередь, диспозицию самого языка: его внеположенность к нему самому и в нем самом, его разделение, не только языков, но и голосов, жанров и тонов, множественное разделение, без которого не было бы вообще никакого «в качестве»). «Литература » означает: бытие-сообща того, что не имеет общего истока, но изначально есть сообща, или «с-».

Вот почему, если, согласно Хайдеггеру, отношение к собственной смерти состоит в «перенятии от себя самого своего наисобственнейшего бытия» [62], это допущение не предполагает, тем не менее, в противоположность утверждению того же Хайдеггера, что «событие с другими отказывает» [63]. Если со-бытие со-сущностно просто-напросто бытию, или, скорее, в самом бытии, тогда наисобственнейшая возможность есть сосущностно возможность «с-» и как не-». Моя смерть есть «наисобственнейшая» со-возможность собственной возможности других сущих. Она есть, она «будет» моей смертью в их слове, говорящем «он умер»: тем самым ее нет и не будет нигде помимо (этого слова). Она есть «моя» возможность в той мере, в какой она удерживает возможность «моего»: то есть в той

мере, в какой эта «мойность» помещена в единичное множественное всегда-другой-мойности. Во фразе «он есть мертвый» вопрос ставится именно о бытии, причем как со-бытии.

«Смерть», следовательно, не негативность, и язык не знает и не практикует негативность (кроме логической). Негативность - это действие, которое желает сложить с себя бытие, чтобы заставить его быть: жертвоприношение, недостающий объект желания, затмение сознания, отчуждение - и, следовательно, никогда и не смерть, и не рождение, но лишь допущение бесконечного предположения: бытие бесконечно предпосылочно по отношению к себе, и его процесс - это повторное овладение этой предпосылкой, всегда по эту сторону и всегда по ту сторону ее самой, а для этого - негативность в действии. Но все происходит иначе, если бытие - это дис-позиция, единично множественная. Раздвигание дис-позиции есть ничто: это «ничто» не является отрицанием чего-либо. Оно есть то нетелесное, посредством которого, в соответствии с которым тела существуют друг с другом, одни рядом с другими, бок о бок, в контакте и, значит, в отрыве друг от друга. Это ничто есть *res ipsa*, сама вещь: вещь как само-бытие, то есть как так-бытие всякого сущего, взаимная экспозиция сущих, которые существуют только благодаря и в этой экспозиции. Такой является указательным местоимением: так-бытие есть указательная (*demonstrative*) сущность бытия - сущее, которое показывает себя сущему и посреди сущего.

Наконец, хотя бы они того или нет, все осмысления негативности сводятся к одной точке (по меньшей мере, они через нее проходят, даже если и не задерживаются там): той точке, где само по себе негативное (чтобы быть *nihil negativum*, а не только *nihil privativum*) должно уклоняться от собственного действия и подтверждаться для него самого, без остатка - или даже, напротив, утверждаться как абсолютный остаток, который ничто не может вовлечь в логическую взаимосвязь некоторого процесса или действия (это критический, повисающий в воздухе, неоперациональный момент в самом сердце диалектики). Самообоснование прерывается, происходит сбой в процессе и в его осмыслении: сбой и мгновенное превращение суппозиции в дис-позицию. Дис-позиция есть то же самое, что и суппозиция: в некотором смысле она является абсолютным предшествованием, и «с-» всегда уже дано. Она не «располагается под», она не предсуществует по отношению к позициям, но является их одновременностью.

Небытие бытия - его смысл - это дис-позиция. *Nihil negativum* - это *quid positivum* как единичное множественное, то есть постольку, поскольку никакой *quid*, никакое сущее не располагается без *с*. Оно есть без (на отрыве) в той самой мере, в какой оно есть *с*: показанное и доказанное в со-бытии, довод существования. Также и зло, не заключается ли оно в том самом действии, которое переполняет некоторое «с-». Переполнить некоторое «с-» можно, заполняя или опустошая его: можно приписывать его либо к основанию полноты и непрерывности, либо к бездне непереходности. В первом случае единичное становится частным некоторой целокупности - и отныне оно уже и не единичное, и не множественное. Во втором случае единичное существует только отдельно от «сам», а значит, как целокупность - и оно, опять-таки, не является ни единичным, ни множественным. В обоих случаях на горизонте маячит убийство: смерть как операциональная негативность Тождественного, смерть как произведение Единого-Все (*Un-Tout*) или Единого-Я (*Un-Moi*). Вот почему смерть является противоположностью убийства: она является недействующим,

однако существующим «с-» (убийство неизбежно теряет смерть).

«С-» не является ни основанием, ни его отсутствием. Оно является не чем иным, как бытием, нетелесным «с-» бытия-тела как такового. Прежде чем стать словом, языком, вербальностью и сигнификацией, «язык» является вот чем: расширением и одновременностью «с-», поскольку он представляет собой наисобственнейшее могущество тела, его способность прикасаться к другому телу (или прикасаться к себе), что является не чем иным, как о-пределением тела. Он заканчивается - перестает быть и завершается в едином жесте - там, где он есть-с.

В этом смысле следует «говорить с», нежели говорить-кому-то или говорить-себе, нежели «говорить» («заявлять», называть) или же изрекать (выпячивать или освещать смысл), «говорить с» означает «разговор» и sonatus некоторого выставленного-напоказ бытия, которое не выставляет никакой тайны, кроме самого выставления. «Говорить-с» так же, как говорят «спать с», «выходить с» (co-ire) или «жить с»: некий (эв)фемизм, вводимый для того, чтобы (не) сказать ничего, кроме того, что это «хотеть-сказать» (le vouloir dire) хочет сказать различными способами, то есть сказать (с'est-a-dire) само бытие как коммуникацию, и мышление как оно говорится: co-agitatio бытия «Язык» это не инструмент коммуникации, и коммуникация не инструмент для бытия, но, совершенно точно, коммуникация есть бытие, и бытие, следовательно, есть лишь то нетелесное, в котором тела заявляют о себе друг другу как таковые.

Версия #1

Зверобой создал 14 февраля 2026 17:56:42

Зверобой обновил 14 февраля 2026 17:56:53